

В. И. Иванов — И. Н. Голенищеву-Кутузову

*20 августа 1935 г., Рим
Roma, via Gregoriana 12, int. 9*

Дорогой Илья Николаевич,

Хронология наших сношений (как и хронология возникновения Вашей прекрасной книги стихов) измеряется столь астрономическими числами, что мое полугодовое молчание в ответ на присылку четырехлетней новорожденной с глубоко тронувшим меня посвящением и милым Вашим письмом, кое составляя само по себе тяжкое прегрешение, в каковом и винюсь, встретит, быть может, с Вашей стороны некоторое снисхождение, тем более что в смягчающих вину обстоятельствах недостатка нет: ведь, согнанный благоразумною политикой бюджетных сокращений с моего насиженного уголка в гостеприимном и блистательном Collegio Borromeo (место мое упразднено), я переживаю год великой разрухи и безвременья, туги и неустройства. что исключает не только возможность свободно располагать своим досугом, но и самый досуг. Что же до моего молчания по получении Вашей внушительной диссертации, которая меня глубоко обрадовала и с которою Вас восхищенно поздравляю, — то объясняется она просто неосведомленностью о месте Вашего пребывания. Неустойчивость Вашего адреса препятствовала мне и раньше писать Вам в ответ на присланные (также какие-то неустойчивые) стихи, в которых нечто остро, но не до конца пережитое не могло — или не хотело — определительно (то есть художественно-завершенно) сказаться. Перечитывая теперь то, что я знал, когда писал свое предисловие, я уверяюсь в оценке, намеченной мною в этом последнем; в других же стихах, как напечатанных, так и рукописных, вижу больше поэтического субстрата, нежели формы, вследствие чего рассматриваю их только как переход и подготовку ко второй эпохе Вашего творчества, а не как наступление ее: окончательной кристаллизации еще нет; а так как Ваш второй сборник должен был бы утвердить Вас как художника вполне созревшего, и Вашу новую эпоху представить не в эскизах, а в завершенных созданиях,

то предостерегаю Вас от преждевременного выпуска в свет Огня над вода́ми (не «над ви дами», как теперь неправильно говорят). Из этих новых стихов кое-что мне весьма нравится, но не достаточно нравится, чтобы ослабить высказанное общее суждение. На глупые ж критики (в роде полублагосклонной в последней книге Современных Записок —увеселительны «русские парижане», робко обезьянящие французских сюрреалистов и им подобных, чьи клички не стоит запоминать, *tellement ils sont précaires*) — на «парижские» критики, говорю я, не обращайтесь вовсе внимания.

Итак. дорогой мой друг, благодарю Вас еще, и от всего сердца, за Вашу большую и неизменную ко мне доброту и ласку. Поздравляю Вас с превосходным устройством Ваших академических дел (я предпочел бы все же Загреб, но о вкусах не спорят). Жаль однако, что Вы так скупо сообщаете мне о своей личной и семейной жизни: стихи — сказочники и выдумщики, они плохие повествователи.

Забота моя: попадет ли это письмо в Ваши руки, и когда? А оно ведь спешное, потому что мне непременно хочется принять заочно участие в чествовании Евгения Васильевича, а сборник в его честь у Вас, быть может, уже печатается, если не отпечатан. Недурно было бы думается, перепечатать в нем посвященное Аничкову мое стихотворение из *Cor Ardens*, основанное на данных его исследования о Николе-Угоднике и на сербском духовном стихе об Илье и Николае. Для Вашего удобства присылаю его список, с небольшим отступлением от оригинала: а именно, в первых строфах нужно соединить по две строки в одну, ибо эта одна (состоящая из двух не стихов, а полустихий) дает ту ритмическую единицу

_ □ □ □ □ □ □ || _ □ □ □ □ □ □ ,

которая в Византии была излюблена и именовалась «политическим стихом» (*pokitijÂrst'wor*): эта форма нарочно мною взята для *couleur byzantine*. Кроме сего, посылаю — предположительно для сборника — написанное мною на днях стихотворение о нашей старой дружбе с Евг<ением> Васильев<ичем>. (Замысел его — поселиться, по выходе в отставку, на благословенных берегах Адриатики и писать там первым делом воспоминания, меня восхищает. Авось, Бог даст. и свидимся в Италии, где мы с дочерью натурализовались (а сын, родившийся во Франции, ныне студент-филолог в Aix-en Provence, — француз).

Ну, пока довольно, — продолжение следует, когда Вы отзоветесь на это по Вашему зимнему адресу направляемое в Белград послание. Обнимаю Вас нежно.

Искренне Ваш

Вяч. Иванов.

P.S. Дорогой Илья Николаевич, да ведь кажется — я не поблагодарил Вас своевременно и за вашу статью обо мне в *Соврем<енных> Зап<исках>*, статью незабвенную и милую моему сердцу, глубокую и тонкую. — А знаете ли Вы. в эту зиму в Риме встречались мы с Мережковскими. видались у них и у нас не однажды, *la glace est rompue*. Жаль, все мои книги лежат еще упакованными в Павии, иначе я выслал бы Вам *numero unico della rivista milanese Convegno*, посвященный моей деятельности (вышел в апреле 1934 г.): постараюсь со временем Вам с Евг<ением> В<асильевичем> выслать хоть один экземпляр.

В. И.

Ольга Александровна с нами и просит передать Вам сердечно-памятный привет с наилучшими поздравлениями и пожеланиями.

